

Несколько. Не один, а несколько.

Сердце Чжао Миня кто-то крепко сжал, оно едва не останавливалось.

— Цзян И.

Грудь Чжао Миня тяжело вздымалась.

— Так нельзя, так нельзя...

— Почему нельзя? — Цзян И устал от этой бессмысленной перепалки. Он посмотрел на сдержанный взгляд Чжао Миня и небрежно бросил: — Подумаешь, в постель легли, разве это что-то значит?

Бросив эти слова, Цзян И повернулся и хотел уйти.

Его запястье грубо перехватили.

Мир перевернулся.

Цзян И снова вдавили в диван. Он поднял взгляд: глаза Чжао Миня пылали, а знакомый запах лаванды вперемешку с перегаром мгновенно окутал его.

Сердце Цзян И пропустило удар, а затем забилось безумно и хаотично.

Он вцепился в воротник Чжао Миня. Во время борьбы воротник пижамы распахнулся, обнажив белоснежную шею, на которой ярко алели два следа от поцелуев, попавшиеся на глаза Чжао Миню.

— Ты сошел с ума? — понизив голос, панически произнес он. — Мой муж всё еще наверху.

— Он не твой муж, — голос Чжао Миня был хриплым. Обжигающее дыхание с запахом алкоголя обжигало его шею, а кончики пальцев скользили по следам от поцелуев. — Сейчас — еще нет.

— Хватит нести черт знает что, блять.

Цзян И попытался оттолкнуть его ногой.

В разгар борьбы он внезапно натолкнулся на хищный взгляд Чжао Миня, в котором бурлили

тяжелые эмоции, раскаленные до почти жадного блеска. На мгновение ему показалось, что Чжао Минь действительно хочет его придушить.

Чжао Минь без труда пресек его брыкание, залочил запястья над головой, а второй рукой без предупреждения залез под пижаму Цзян И.

Цзян И замер всем телом, всякая борьба прекратилась.

Прохладные подушечки пальцев скользнули по мягкой плоти на боку.

Давно забытое, но знакомое ощущение поднялось от копчика, отзываясь сладостной негой. Он сдержал голос:

— Хватит тут течь по мне, блять.

Чжао Минь больше не отвечал. Его рука уверенно замерла на боку Цзян И, а пальцы, испачканные мазью, выводили круги на чувствительной коже — то сильнее, то слабее. Нижняя часть живота Цзян И против воли начала вздыматься.

Чжао Минь нахмурился:

— Расслабься.

Цзян И вдруг почувствовал себя униженным и смущенным. Он вцепился в манжеты и самым суровым тоном произнес:

— До чего же ты противен, Чжао Минь.

Рука Чжао Миня замерла.

Воспользовавшись моментом, Цзян И одернул край одежды, изо всех сил пнул Чжао Миня и бросил:

— Держись от меня подальше.

Чжао Минь отступил на пару шагов, чувствуя тупую боль в животе. Он явно не ожидал, что Цзян И будет настолько противен ему.

— Ты настолько меня ненавидишь?

— А у меня отличная самокритика.

Цзян И ни капли не заботило побледневшее лицо стоявшего перед ним мужчины. Он продолжил:

— Даже если я буду спать с кем попало, к тебе я больше не вернусь.

— Повтори еще раз?

Голос Чжао Миня мгновенно стал ледяным.

Цзян И отвернулся, указал на дверь и приказал:

— Проваливай.

Атмосфера вокруг Чжао Миня опала до предела.

—

Рассвет только забрезжил.

Утром было ветрено. Ветер гулял между высотками, издавая заунывный вой.

Цзян И переоделся в плотный тренч цвета хаки, в одной руке он держал стакан со льдом и американо из кофейни внизу, а в другой — багет, испеченный Феликсом с самого утра.

Только он подошел к входу в офис, как увидел Чжао Миня в окружении толпы. Тот шел впереди всех, переодевшись в строгий черный костюм с отлично сшитой жилеткой под ним, подчеркивавшей его подтянутую фигуру.

С холодным выражением лица он о чем-то тихо распоряжался на ходу, словно прошлой ночью ничего не было.

Проходя мимо Цзян И, он не задержал на нем взгляд ни на секунду.

И снова эта маска. Сколько лет они встречались с Чжао Минем, неужели он не знал, что означает это выражение лица? Не более чем недовольство всем вокруг, с которым тот ничего не мог поделать.

Теперь, когда прошло восемьсот лет с их расставания, кто станет потакать его капризам?

Вернувшись в кабинет, он прокрутился всю первую половину дня, даже не успевая заглянуть в телефон, пока не приблизилось время обеда.

Только тогда он взял в руки смартфон.

Цзян И открыл WeChat и увидел фотографию, присланную Феликсом — это была стойка администратора в Вэнхэ.

Феликс: В вашей компании столько красивых девушек на ресепшене.

Феликс: Он сам выбирал? Глаз-алмаз.

Цзян И: Ты где?

Феликс: Я привез любимому обед.

Цзян И: 12-й этаж.

Он только отложил телефон, как в дверь постучали.

Цзян И отозвался, даже не поднимая головы, думая, что это Феликс. Он сказал:

— Чего так быстро?

Но вошел помощник и торопливо произнес:

— Брат И, тут срочные цифры, похоже, придется проводить совещание.

Цзян И вздохнул, массируя переносицу:

— Понял, иди оповести аудиторскую группу.

Взглянув на наручные часы, он добавил:

— Подсчитайте количество и закажите доставку, после совещания в столовой уже ничего не останется.

В кабинете наспех обустроили маленькую переговорную, голос Цзян И звучал ровно и спокойно. Пока дверь кабинета снова не открылась.

Вошел Чжао Минь, за ним следовал заместитель генерального директора. Чжао Минь направился прямо к стулу и сел, не глядя на Цзян И — лишь заместитель кивнул ему в знак приветствия.

На середине обсуждения дверь снова скрипнула.

Цзян И бросил наугад:

— Войдите.

Дверь отворилась, и стройная фигура прислонилась к косяку. Феликс был одет в дорогой костюм от кутюр, который, как назло, оказался того же кроя, что и у Чжао Миня. На двух разных людях одинаковая одежда смотрелась совершенно по-разному.

Это незнакомое, красивое лицо тотчас привлекло всеобщее внимание.

Феликс небрежно обвел взглядом присутствующих, похоже, никого из них ни во что не ставл, и наконец остановил взгляд на Чжао Мине. Четко проговаривая каждое слово, он произнес:

— Директор Чжао?

— Похоже, я не вовремя.

В переговорной воцарилась мертвая тишина.

Чжао Минь медленно откинулся на спинку стула, подперев голову рукой. Даже не подняв век, он бросил секретарю:

— Вызови охрану.

Воздух словно застыл.

Цзян И невозмутимо вздохнул и обратился к Феликсу:

— Положи вещи на стол и садись сзади.

Он постучал по маркерной доске, возвращая всеобщее внимание, и скомандовал:

— Продолжаем.

Два пугающе тяжелых взгляда один за другим пересекли пространство над головами собравшихся и сошлись на нем. Особенно сильным было давящее ощущение от ледяного взгляда со спины — казалось, он намертво впился ему в затылок.

Цзян И старался держать рабочий настрой, но по спине все равно пробегал холодок.

Через полчаса совещание наконец подошло к концу, и присутствующие поспешно стали собираться и расходиться.

Цзян И потер виски, ожидая новой бури, но вместо этого Чжао Минь бросил секретарю:

— Передай в администрацию, чтобы внизу поставили турникеты.

Затем его взгляд скользнул по Феликсу:

— Без предварительной записи и пропуска внутрь не пускать.

С этими словами он, даже не взглянув на Цзян И, развернулся и вышел вместе со свитой.

Хлопнула дверь.

Феликс с игривой усмешкой протянул:

— У него кишка тонка на большее, чистой воды месть из личной неприязни.

Он протянул гласные:

— А я ведь собирался принести порцию и для него, как-никак бывший муж.

—...

Заметив выражение лица Цзян И, тот с ласковой улыбкой произнес:

— Как доешь, я сразу уйду.

—

Быстро наступила глубокая ночь, лунный свет бесшумно пролился на землю.

В шумном и суетливом баре Цзян И по-прежнему сидел за барной стойкой, щелкнул пальцами перед Ливи и велел:

— Как обычно.

Ливи привычно застучал кубиками льда, протянул Цзян И стакан с ананасовым ликером и сказал:

— Тут пара молодых актеров спрашивали твой контакт.

Цзян И, покручивая бокал в пальцах, небрежно бросил:

— Что поделать, я предпочитаю девственников.

Ливи легко усмехнулся:

— Специфический вкус.

— Чисто и хлопот не доставляет.

Цзян И отпил глоток, помолчал и добавил:

— Мне нравится, когда они выглядят растерянными.

Он опустил глаза, погружившись в какие-то мысли.

Каким тогда был Чжао Минь?

Сдержанным и терпеливым. Но на лице было буквально написано: хочу, выеб*, его.

Цзян И не стал больше ничего говорить и обронил:

— Выбери кого посимпатичнее, поговорим, когда появится настроение.

Ливи убрал ледоруб и с улыбкой кивнул в знак согласия.

Цзян И продолжал пить стакан за стаканом.

В последнее время он чувствовал себя раздраженным и растерянным, но не мог понять

причину, поэтому оставалось лишь глушить тревогу алкоголем. Он ведь должен испытывать отвращение к Чжао Миню, так почему же при виде его страдальческого лица ему тоже становится больно?

Так не должно быть.

Один бокал, второй, третий...

Вдруг чья-то костлявая, искусно очерченная рука протянулась через стойку и прижала бокал у его губ.

— Хватит пить.

— Еще немного, и напьешься вдрызг.

Цзян И заторможено повернулся. Услышав знакомый голос, он затуманенным взглядом посмотрел на Чжао Миня и непонимающе произнес:

— Что, не хочешь меня напоить?

Его голос звучал очень тихо.

Рука Чжао Миня, державшая его стакан, медленно разжалась. Он отвел взгляд и хрипло произнес:

— Я позвоню ему, пусть заберет.

— Ладно, — протянул Цзян И, с блуждающей улыбкой и каким-то саморазрушительным безразличием. — Звони давай.

Чжао Минь не шевельнулся.

— Чего не звонишь?

— Боишься звонить, да?

От автора:

Директор Чжао скоро разблокирует режим обиженной жены.

Глава 14: Ненависть.

Огни бара мерцали.

Вокруг стоял шум, но нарочно играл народный мотив про горы. Цзян И поднял затуманенный взгляд и растерянно посмотрел на стоявшего перед ним Чжао Миня.

Чжао Минь был ребенком гор.

У него была прямая осанка, а в чертах лица читалась нестигаемая стойкость. Раньше он верил, что такие плечи способны защитить целый мир.

Чжао Минь вечно твердил ему: это нельзя, то нельзя. Нельзя холодное, нельзя ложиться слишком поздно, нельзя злоупотреблять алкоголем.

Позже, в тот период в Америке, что бы он ни делал, Чжао Минь ни разу не поинтересовался им и даже не появился.

Все их прошлое не стоило и ломаного гроша.

Цзян И опустил бокал и с издевательской усмешкой посмотрел на Чжао Миня.

— Не звонишь? — его голос был тихим, но каждое слово разило наповал. — Или боишься, что мой муж узнает, как я развлекаюсь на стороне?

Руки Чжао Миня, висевшие вдоль туловища, судорожно сжались так, что суставы хрустнули, а все его тело напряглось до предела. В конце концов он опустил голову, приняв жалкий вид:

— Береги себя.

— Сбрось эту свою высокомерную маску.

Цзян И сжал пальцы в кулак; все годы подавляемой боли и терпения сплелись воедино.

Он смерил взглядом мужчину, который когда-то исчез без объяснения причин.

<http://bllate.org/book/25813/3085182>